

Николай Кузанский

Сочинения в двух томах

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н63

Николай Кузанский
Н63 Сочинения в двух томах: Том 2 / Николай Кузанский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 469 с.

ISBN 978-5-458-45780-4

Николай Кузанский – крупнейший философ раннего Возрождения. Во второй том "Сочинений" вошли его главные произведения 1449—1464 гг. «Апология ученого незнания», «О видении бога», «Берилл», «О неинном», «Игра в шар», «Охота за мудростью» и др. На почве античной и средневековой традиции здесь разворачивается диалектика восхождения к первоначалу, учение о единстве мира, о человеке как микрокосме и о цели жизни.

ISBN 978-5-458-45780-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Наш общий наставник, учитель Николай из Кузы,¹ избранный ныне в коллегии кардиналов, как-то говорил мне, насколько ты силен в совпадениях, которые он объяснил в посвященных апостольскому легату книжках «Ученого незнания» и во многих других своих сочинениях, и каким стремлением горишь ты собрать все, что он в разных местах написал по этому поводу; не позволяя никому из знатоков уклониться от разговора с тобой об этом, ты побудил многих, пренебрегавших этим занятием, несколько изменить укоренившейся привычке копнуть над аристотелевским учением и обратиться к этим рассуждениям (*considerationes*) в надежде обнаружить в них нечто великое, после чего некий внутренний вкус вызывал в них желание углубиться и они наконец убеждались, что этот путь так же отличается от других, как зрение от слуха¹. И многих прежних хулителей ты заставил вместе с тобой созерцать сокровенное оком ума так, как постепенно удается человеку. Поэтому я, ученик того же учителя, сразу решил рассказать тебе некоторые вещи, могущие смутить малосведущих, чтобы ты мог легче противостоять подобного рода нападкам.

Мне сегодня попалась книжочка одного не только² невежественного, но и наглого человека, называющего себя магистром теологии, по имени Иоганн Венк; книжочку он озаглавил «Невежественная ученость». Найдя в ней тяжелые обвинения и оскорбления против нашего наставника и его книжек «Ученого незнания», я пришел к нему в огорчении и расстройстве и рассказал о причине прихода и содержании обвинений.

Наставник слегка улыбнулся и, с любовью взглянув на меня, сказал: «Не расстраивайся, друг, а благодари

творца, уделившего тебе столько света, что ты превосходишь этого человека мудростью, как Сократ превосходил полузнаек своего времени».

Я спросил, чем отличался афинянин Сократ.

«Он знал о своем незнании,— ответил учитель,— а другие, глубокие невежды, похвалявшиеся своими великими знаниями, незнающими себя не считали. За это Сократ получил от Дельфийского оракула свидетельство своей мудрости»².

³ «Наставник,— попросил я,— объясни на примере, как отличалось знание Сократа в сравнении с прочими».

«Как знание о яркости солнца у зрячего отличается от знания слепца,— ответил он. — Иной слепец может много слышать о солнечном блеске и об его нестерпимости и полагать, что благодаря услышанному он что-то знает о яркости солнца, хотя в действительности пребывает в неведении. А зрячий на вопрос о яркости солнца отвечает, что это ему неизвестно, и он потому знает о своем неведении, что всякий раз, глядя на солнце невооруженным взглядом, убеждается, что яркость солнца превосходит зрительную способность». Большинство хваставшихся знанием теологии он тоже уподобил слепцам. «Ведь почти все посвятившие себя изучению теологии имеют дело с некими установленными мнениями и их формами, и они тогда начинают считать себя теологами, когда паучаются говорить как другие,— кого они взяли себе за образец³; однако они не обладают знанием незнания того неприступного Света, в котором нет никакой тьмы⁴. Но кто в умудренном незнании перенесся от слушания к духовному видению, радуется, что на опыте непосредственно достиг знания своего познания».

⁴ Нечто подобное, сказал он, можно найти у мудрейшего Филона, которому некоторые почтенные ученые мужи приписывали книги Премудрости⁵, в его толкованиях на книгу Бытия, в вопросе 51-м, где он говорит о колодеце Иакова: «Как роющие колодец ищут воду, так стремящиеся к учению имеют целью то, что не может быть открыто людям. И некоторые гордецы лживо называют себя великими музыкантами, великими грамматиками, превосходными и вершинами философии, и мудрость всей науки, и высшую добродетель. Но человек понимающий, не превозносящий и не вос-

хваляющий себя, открыто признает, как он далек от цели; будучи твердо в этом уверен, он дорожит пониманием невозможности для человека познать что-либо в совершенстве. Пустое говорит тот, кто считает себя таким знатоком в стольких вопросах; цель знания сокрыта только в боге, которого душа призывает в свидетели, когда ясно понимает и признает свое незнание. Только та душа знающая, которая знает, что она ничего определенно не знает». Таковы слова Филона ⁶.

Мне понравилось это сравнение наставника; я возразил только, что тогда истинную теологию нельзя записать. Он согласился, что все написанное и произнесенное, конечно, много ниже ее; и все-таки она, по его словам, сокрыта в Священном писании. Ведь теология — от царства божия, которое учитель наш Иисус Христос провозгласил сокрытым, уподобив потаенному сокровищу ⁷. И поскольку к одному устремляется всякое искание и в одном состоит исследование Писания — в обнаружении того, что найденное остается втайне и пребывает сокрытым и неприступным, — совершенно ясно, по его словам, что это есть не что иное, как з н а ю щ е е н е з н а н и е.

«Большинство учителей нашего времени, занимающих поле Священного писания, — сказал он, — где, как они слышали, скрывается сокровище царства божия, хвалятся благодаря этому своим богатством, как и этот человек, написавший «Невежественную ученость». Но кто понял, что сокровище остается скрытым от глаз всех мудрецов ⁸, тот гордится, зная себя нищим, и в этом видит себя богаче их: он знает о своей бедности, а они нет. Один смиряется от сознания своей бедности ⁹, а другой гордится воображаемым богатством, подобно тому как этот несведущий человек, надутый тщетой словесного знания, не стыдится в своем вступлении обещать разъяснение вечной премудрости».

После этого, спеша показать несостоятельность ⁶ «Невежественной учености», я начал расспрашивать, кто этот бывший аббат Мульбрунский ¹⁰, через которого «Ученое незнание» попало к ее противнику.

Обладая острым умом и придерживаясь благочестивого образа жизни, ответил он, книжки «Ученого незнания» этот человек писал более всего потому, что папский легат и многие другие известные мужи

отмечали значительность их содержания, а с легатом аббата связывала исключительная дружба. Но все же, добавил учитель, едва ли аббат сам показал книжки этому человеку; более вероятно, что он показал их другому монаху, от которого они попали к тому; кроме того, в долгих спорах между апостольским престолом и базельской партией¹¹ аббат стоял на стороне истины апостольского престола, а Венк был его противником. Указал мой наставник и на слова своего противника в конце сочинения, где наставник назван «псевдоапостолом», откуда я понял, что побудительной причиной писаний Венка была раздражительная страсть. Ты знаешь, дорогой друг, что никто не сопротивлялся базельцам с таким жаром, как наш наставник. И вот этот Венк, который отошел от преподавателей Гейдельбергского университета и припал сторону осужденных базельцев, в чем он, по-видимому, продолжает упорствовать, не постыдился поборника истины назвать псевдоапостолом. Ему очень хотелось сделать его ненавистным и ничтожным в глазах аббата и вообще всех; но коварство не возобладало, а победила истина.

7 Но все же, когда я читал наставнику, что противнику были переданы книжки «Ученого незнания», я заметил, что он тихонько вздохнул. На мой осторожный вопрос о причине этого он ответил: «Кто внимательно изучал великих мудрецов древности, знает, как они остерегались, чтобы тайна их учений не попала в руки невежд. И Гермес Трисмегист Асклепия, и Дионисий Ареопагит Тимофея учили тому же, что заповедал нам Христос: он запретил бросать перед неразумными свиньями жемчуг, под которым можно пошмать царство божие. Так же Павел не считал возможным открыть то, что он увидел, будучи восхищен из здешнего в третий, умопостигаемый (*intellectibile*) мир. Причина этому всюду одна: где не могут вместить [тайну], там она не только не приносит плодов жизни, но, став предметом поношения, делается причиной смерти. А больше всего они учили остерегаться, чтобы сокровенное не сообщалось умам, скованным авторитетом застарелой привычки. Правила старинного благочестия имеют такую силу, что у многих легче вырвать жизнь, чем эту привычку, как мы видим у преследуемых иудеев, сарацин и других упорных ере-

тиков: предрассудок, закрепленный давностью времени, они превратили в закон, который предпочитают жизни. Теперь преобладает аристотелевская школа, которая считает совпадение противоположностей ересью, в то время как его допущение — начало восхождения к мистической теологии; вот представители этой школы и отбрасывают этот метод как совершенно нелепый и якобы противоположный своей собственной цели; и было бы похоже на чудо, как и изменение школы, если бы, отбросив Аристотеля, они смогли подняться на более высокую ступень».

Так говорил наставник, но я не все уловил и записал. Я все время побуждал его, чтобы — пока я буду читать ему «Невежественную ученость» — он воодушевился к ее опровержению. Но он не спешил и казался мне более медлительным, чем мне хотелось бы. Дело в том, что ему это сочинение не показалось столь значительным, чтобы его стоило читать или опровергать. В подтверждение того, что разумному человеку не к лицу прилагать старания для опровержения невежд, он привел слова Дионисия из 11-й главы книги «О Божиих именах», где тот говорит, что Павел, утверждавший для бога невозможность не знать себя, был обвинен магом Элмой в отрицании всемогущества бога¹². Собираясь опровергать его, Дионисий говорил, что он очень боится быть осмеянным как безумец, трудящийся над уничтожением построенных на песке и непрочных сооружений играющих детей. Мага он назвал подражателем неопытных борцов, которые часто убеждают себя, что противники их слабы, и храбро сражаются против отсутствующих, изображая битву: неослабно поражая бесполезными ударами воздух, они считают, что преодолели самих противников, и трубят о своей победе, даже не изведав их сил. Это, сказал наставник, очень напоминает и наш случай. Но тут я заметил, что Дионисий тем не менее опроверг неверные заключения этого мага; наставнику пришлось согласиться.

Так я победил его кротость, и единственно для нашей собственной пользы он разрешил мне прочесть выдержки. Я прочел введение со словами Давида: «Остановитесь и познайте, что Я Бог» — и следующее, где говорится, что бог хочет, чтобы мы отдали ему свои помышления (*otium*), и приказывает нам напра-

вить наше созерцание на него, не останавливаясь на одном лишь надмевающем нас научном рассмотрении, от которого, по его словам, произошло греческое название демонов¹³, но ищем другим не занятое созерцание устремляя к тому, что поистине есть бог; что он есть полное успокоение всех наших порывов; что «Я — Бог» — где обособительное «Я» явно отделяет всякое творение от божества, отличая бога от всякого творения,— говорится потому, что бог есть именно творец, а не творение. Все это Венк заключает следующими словами: «Задача «Певежественной учепости», занимающей наш ум, обусловлена необходимостью опровергнуть «Ученое незнание». Взмахом руки дав знак замолчать, наставник заговорил тихим голосом:

- 10 «Не подумав предварительно как следует, он выставил это в качестве щита, тогда как при здравом понимании все это согласуется с «Ученым незнанием». Этот человек, видно, прочел немного, а понял прочитанное еще меньше. Ибо мистическая теология ведет к освобождению и безмолвию, в котором достигается даруемое нам видение невидимого бога; а та наука, что упражняется в споре, ожидает победы в словесной битве и далеко отстоит от другой, приближающей нас к богу, который есть мир наш¹⁴. Поскольку его наука предполагает споры, ему нельзя скрыть, какова она; ведь то, что надмевает и возбуждает к спору, само себя выдает: это не знание, через освобождение устремляющееся к умосозерцанию, каково знающее незнание. Он думал открыть нечто новое, утверждая, что по-гречески «демоническое» получило название от «надмевающего знания». Но он, видимо, проглядел Платона, и «О божестве Сократа» Апулея, и Филона, который говорит, что Моисей называл ангелами тех, кого греки — демонами¹⁵, хотя и у них различаются
- 11 благое демоны и демоны зла. Когда же он говорит, что пророк в местоимении «Я» обособил, изъял и отличил бога от всякого творения и что на этом основано его рассуждение, такое обоснование представляется и вовсе ребяческим. Ведь не было никогда человека в такой степени бестолкового, который бы стал утверждать, будто бог не есть тот, больше кого ничего нельзя представить и кто образует все. Бог не есть то или это, небо или земля, но тот, кто дает бытие всему, кто сам есть собственно форма всякой формы, так что

всякая форма, кроме бога, не является собственно формой, но только получает форму от этой нестяженной и абсолютной формы. Поэтому никакое бытие не может отсутствовать у абсолютнейшей и совершеннейшей формы, раз она дает бытие всему. И так как все бытие от этой формы и оно не может быть помимо нее, все бытие — в ней; но все бытие в этой форме не может быть отличным от нее, поскольку она есть бесконечная форма бытия, простейшая и совершеннейшая. Отсюда ясно, что никак нельзя представлять бытие бога наподобие какого-нибудь единичного переменчивого и раздельного бытия, а также наподобие бытия универсалий, рода или вида, но только как превосходящую совпадение единичного и общего абсолютнейшую форму всего родового, видового и единичного и вообще любых форм, какие только можно представить и назвать. Такая превосходящая всякое понятие невыразимая форма есть начало, середина и конец всего этого.

И если кто, поднявшись над математикой, разграничивающей и измеряющей вещи, над всякой множественностью, числом и гармоническим соотношением, увидит все вне меры, числа и веса, тот действительно будет видеть все в некоем простейшем единстве; так видеть бога значит все видеть богом и бога — всем, и в знающем неспании мы знаем, что видеть его так мы не можем. Но видящий все в числе, весе и мере на себе испытывает невозможность для всего этого быть без различения и согласования¹⁶, тогда как в царстве божием, где простота и мир превосходят всякое восприятие, не может быть различия, поскольку здесь не та единичность, какую представляет противник, а напротив, единичность бога, о которой говорит Авиценна в своей «Метафизике» в главе «Поставление пророка»¹⁷, где он предписывает не говорить простому народу об этой единичности, так как его это скорее развратит, чем научит. Та единичность, которую он велит скрывать, есть единичность единичностей, и в этом случае бог именуется неединично единичным, подобно тому как он есть беспредельный предел, безграничная граница и нераздельная раздельность¹⁸. Ведь кто устремил око ума в абсолютную единичность всех единичностей, тот ясно видит, что абсолютная всеобщность совпадает с абсолютной единичностью, а абсо-

лютный максимум совпадает с абсолютным минимумом и все здесь одно. И вот когда Авиценна пытается вознестись к единичности бога путем отрицательной теологии, он отрешает бога от всего единичного и всеобщего; раньше него божественный Платон в «Пармениде»¹⁹ предпринял более совершенную попытку положить этот путь к богу, а божественный Дионисий столько у него перенял, что у него можно отыскать часто дословно воспроизведенные Платоновы выражения. Я согласен с Авиценой и потому считаю, что противнику, человеку пошлому, сведшему к пошлым и не соответствующим богу понятиям глубочайшие прозрения пророка, не следовало утверждать это вопреки учению всех мудрецов и великому Дионисию, у которого в десятой главе «Божских имен» — по последнему переводу Амвросия Камальдульского, полученному мной от его святейшества папы Николая, — говорится: «Итак, божье мы должны познавать не по человеческому обычаю, но целиком и полностью от самих себя отступившись и всецело перейдя в Бога»²⁰.

- ¹⁴ Там об этом говорится не раз. Итак, друг мой, ты видишь, на каком ребяческом и слабом основании поконтея «Невежественная ученость».

Когда наш наставник сказал все это по поводу уже прочитанного, я продолжал чтение. В следующем отрывке говорилось, будто наш наставник хвалится, что он благодаря дару божью в восхождении над тленностью человеческих знаний непостижимо был возведен к непостижимому. После многочисленной клеветы, не задевшей души наставника, он говорит, что 1 Коринф. 13 не допускает такого откровения, утверждая ограниченность постижения сферой зеркальных отражений и образов²¹.

- ¹⁵ Наставник велел мне покамест остановиться и сказал: «Так от изменения точки зрения возникают различные понимания. Имея в виду зеркало и образ, этот человек считает, что бог — как оно и есть — непознаваем: ведь истину как таковую никогда нельзя увидеть в подобии, поскольку всякое подобие именно как подобие лишено подлинности своего образца. Вот нашему опровергателю и кажется, что непостижимого нельзя непостижимо постичь путем восхождения. Но кто видит, что подобие есть подобие образца, тот, преодолевая подобие, непостижимо обращается к непостижимой истине образца. Кто понимает, что всякое тво-

решение есть подобие единого творца, в себе самом видит, что бытие подобия, не имея само по себе совершенно никакого совершенства, все свое совершенство получает от того, чье оно подобие, ибо образец есть мера и основа подобия. Бог так же отражается в творениях, как истина в подобии. И кто видит, что все разнообразие мира есть подобие единого бога, тот, оставляя все разнообразие всех подобий, переходит к непостижимому. Он приходит в изумление, поражаясь бесконечности того бытия, что во всем постижимом присутствует как в зеркале и образе. Он прекрасно видит, что не постижима ни в каком творении та форма, чьим подобием всякое творение является: никакое подобие не может быть равной мерой истины, ибо оно, будучи подобием, ущербно. Так что абсолютная истина непостижима. А если каким образом и следует ее постигать, это должно происходить в некоем непостижимом прозрении (*intuitu*), как бы путем мгновенного восхищения; так плотским оком мы без постижения и лишь на мгновение видим свет солнца. Не то чтобы солнце, чей свет невольно бросается в глаза, не обладало максимальной видимостью; но его нельзя постичь зрением из-за его исключительной видимости. Так бог, который есть истина, как объект интеллекта максимально умопостигаем и в то же время не постигаем умом в силу своей наивысочайшей умопостигаемости. И только знающее незнание, или постигаемая непостижимость, есть самый истинный путь для восхождения к нему.

16

«Дражайший наставник, — сказал я, — хотя бы учебные занятия привели тебя к тому взгляду, который ты изложил в «Ученом незнании», но дар божий, все же ты, без сомнения, изучил многих мудрецов древности с целью убедиться: один ли и тот же свет всех их наполняет? Если что из прочитанного приходит тебе на ум, пожалуйста, скажи и о том».

«Признаюсь, друг мой, — ответил он, — что ни у Дионисия, ни у какого другого из старых теологов я на это не обращал внимания, пока не получил понимания свыше; а тут я испытал мгновенную потребность обратиться к ученым сочинениям, но нашел в них не больше того, что было мне открыто, только в разном изложении. Дионисий в письме к Гапию утверждает, что наисовершеннейшая наука — незнание, и о знании не-

17

знания рассуждает во многих местах; и Августин говорит, что бога достигают скорее незнанием, чем наукой²². Незнание отвергает, наука (*intelligentia*) сочетает; а знающее незнание объединяет все способы, позволяющие достичь истины. Вот как тонко рассуждает о боге Альгазель в своей «Метафизике»: «Кто достоверно знает необходимость невозможности постичь Его, тот судит и постигает — раз он постигает, что знание Его ни для кого не достижимо. А кто не может постичь и не знает с указанной достоверностью о необходимости невозможности постичь Его, пребывает в неведении о Боге; и таковы все люди, исключая избранных, пророков и тех мудрецов, чья мудрость глубока». Таковы его слова.

18

А как возникает знающее незнание, среди прочего говорит Аврелий Августин, объясняя слова Павла из восьмой главы Послания к Римлянам: «Мы не знаем, о чем молиться»²³. «Что искомое нами есть — мы знаем; но каково оно — не знаем. Это, так сказать, знающее незнание дает нам дух, поддерживающий нашу немощь»²⁴. И чуть ниже: «И когда Павел говорит, что «Дух ходатайствует за нас вздыханиями неизреченными», он дает понять, что не знаемое нами и неизвестно, и не совсем неизвестно: не стали бы вздыхая просить о том, чего не знали бы совсем». Таковы его слова.

Стало быть, мы обладаем знающим незнанием, без которого нельзя искать бога. В свое время я написал книжку «Искание бога», прочти ее²⁵. Там ты поймешь, что, хотя он везде и «недалеко от каждого из нас», — как говорил Павел афинянам, когда им был обращен Дионисий, — все же мы тем ближе к нему, чем больше понимаем, что он недостижим; и чем лучше мы понимаем его недостижимо великую удаленность, тем ближе подходим к его недостижимости».

19

Таково было сказанное наставником; хотя я был готов слушать дальше и считал, что не следует на этом останавливаться, я не позволил ему приводить заурядных богословов; я сказал, что для данного случая довольно приведенных знаменитостей и тех, на кого он ссылается в «Ученом незнании». Он согласился, и я, продолжив чтение, прочел то место, где противник заявляет, что наставник во избежание каких бы то ни было нападков принял меры предосторожности, утверждая, будто его намерение заключается в возвышении